DOI: 10.22394/2304-3369-2020-6-142-155 ВАК: 08.00.05

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРАРОДИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ»

О.М. Шубат[1*a*], **А.П. Багирова**[2*a*]

[*a*]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

На фоне развития зарубежной демографии прародительства и внимания органов государственного управления к проблемам старшего поколения актуализируется вопрос совершенствования информационно-аналитической базы решений, принимаемых в этой сфере. Цель исследования – разработка и реализация методики оценки продолжительности прародительства в России на основе доступных и надежных информационно-статистических ресурсов. Нами предложены следующие методические подходы: дифференциация оценок прародительста для мужчин и женщин, оценка возраста вступления в прародительство как суммы двух средних возрастов матерей (отцов) при рождении ребенка – в текущем году и у предыдущего поколения женщин (мужчин), использование совокупности источников для оценки средних возрастов женщин и мужчин при рождении первых детей. Результаты нашего исследования таковы:

1) за 2007–2016 гг. средняя по стране продолжительность прародительства бабушек выросла с 26,7 до 28,8 лет, дедушек – с 9,5 до 13,4 лет;

2) продолжительность прародительства бабушек заметно выше аналогичного показателя у дедушек;

3) увеличение продолжительности прародительства у дедушек происходит более быстрыми темпами, с течением времени происходит сближение продолжительности прародительства бабушек и дедушек.

Федеральный проект «Старшее поколение» национального проекта «Демография», реализация которого в нашей стране началась с 2019 г. и будет продолжаться до конца 2024 г., направленный на повышение продолжительности здоровой жизни, будет способствовать повышению продолжительности и (здорового) прародительства. Решение заложенных в нем задач должно повлечь за собой и усиление тех эффектов, которые приносит вовлеченность прародителей в жизнь своих внуков. Нами предложены возможности включения в уже предусмотренные федеральным проектом мероприятия таких составляющих, которые бы одновременно «работали» на улучшение качественных характеристик прародительства, на повышение интенсивности и активизацию прародительского труда.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прародительство, продолжительность прародительства, бабушки, дедушки, демография прародительства, старшее поколение, национальный проект.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шубат О.М., Багирова А.П. (2020). Продолжительность прародительства в России: статистические оценки и возможности управления в рамках национального проекта «Демография» // Вопросы управления. № 6. С. 142–155.

© Шубат О.М., Багирова А.П., 2020

[1]AuthorID РИНЦ: 616590, ORCID: 0000-0002-0929-8144, ScopusID: 55361508300, ResearcherID: M-7443-2013

[2]AuthorID РИНЦ: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013

Введение

Сегодня ученые, практики, представители власти все чаще обращаются к проблемам старшего поколения. Эти тенденции заметны как в России, так и в зарубежных развитых странах. Специалистами изучаются и разрабатываются механизмы активизации старшего поколения и повышения их вовлеченности в разные сферы – рынок труда, образование, физическая культура, волонтерство, прародительство и т. д. Современное прародительство все отчетливее приобретает черты социального института. Оно может выполнять регулятивную, интегративную функции, функцию социализации членов общества; прародительство имеет определенный набор социальных норм, статусов, ролей, систему ценностей; есть даже единичные случаи создания организаций, в рамках которых происходит обучение прародителей (школы внуковедения, школы бабушек и дедушек и т. д.)[3].

Внимание систем государственного управления различных стран к населению третьего возраста также неслучайно – оно играет важную роль в политике, может способствовать решению важнейших социальных и экономических проблем общества. Одной из групп социальных проблем, потенциал смягчения которых заложен в активизации старшего поколения, является демографическая проблематика. В последнее десятилетие это привело даже к появлению в зарубежной науке специального направления – демографии прародительства [1; 2]. Несмотря на ее относительную молодость, в этом направлении разработана целая система показателей, которые используются для выявления тенденций развития феномена прародительства в различных экономически развитых странах (табл. 1).

По мнению R. Margolis и A.M. Verdery, показатель продолжительности прародительства является наименее разработанным из числа других показателей демографии прародительства. В то же время, он может быть наиболее значим в случае рассмотрения, например, вопросов, связанных с мультипоколенческими эффектами и межпоколенческими трансфертами [3]. Chapman с коллегами также обосновывают необходимость изучения продолжительности общего периода жизни прародителей и внуков влиянием этого показателя на межпоколенческие трансферты [6] – вероятно, речь может идти о влиянии на само наличие этих трансфертов, их содержание и формы. Эффекты, возникающие от взаимодействия между прародителями и внуками, также зависят от продолжительности общего периода их жизни.

Таблица 1 – Ключевые показатели зарубежной демографии прародительства

Table 1 – Key indicators of foreign demography of grandparenthood

Ученые	Предлагаемые показатели
R. Margolis и A.M. Verdery [3]	Доля прародителей в населении; возраст вступления в прародительство; продолжительность прародительства; число внуков.
T. Leopold и J. Skopek [4]	Возраст вступления в прародительство; демографическое наложение роли прародителя с ролями родителя, работника, ребенка; ожидаемая продолжительность прародительской стадии жизни.
R. Margolis и L. Wright [5]	Продолжительность здорового прародительства; доля лет прародительства, в течении которых прародители здоровы.

Основные тенденции, влияющие на динамику продолжительности прародительства – снижение рождаемости, рост продолжительности жизни, снижение детской смертности – все те тренды, которые традиционно характеризуют процессы демографического перехода и индустриализации. В свою очередь, каждая из этих тенденций обусловлена целой системой факторов. Среди группы демографических факторов исследователи выделяют возраст вступления в брак, возраст матери и отца при рождении детей, возраст вступления в прародительство и т. д.

Проведенный нами анализ зарубежных исследований, в которых изучалась продолжительность прародительства, позволил выделить ряд методических подходов к ее оценке.

Один из них был реализован в уникальном по источникам информации исследовании, которое было проведено в Финляндии [6]. Продолжительность совместного пе-

[3] См., например: Mosgorzdrav.ru. Проект для дедушек и бабушек, которые помогают внукам делать уроки. URL: https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/school-program.html.

риода жизни прародителей и внуков оценивалась авторами на основе записей церковных книг Лютеранской церкви. В фокус исследования попали люди, родившиеся между 1790 и 1959 годами, для которых были известны личности обеих бабушек и в большинстве случаев дедушек. Для оценки продолжительности прародительства использовались десятилетние интервалы годов рождений – так были выделены возрастные когорты внуков.

На основе столь детальных источников финские ученые рассчитывали целую совокупность показателей продолжительности прародительства:

1) продолжительность прародительства с точки зрения внуков – определялась как количество лет, которые внук делил с тем прародителем, который прожил дольше;

2) продолжительность прародительства с точки зрения прародителя – определялась как количество лет, в течение которых у прародителя был хотя бы один внук, пока сам прародитель был жив;

3) число лет прародительства – сумма всех годов, в течение которых бабушка была жива и имела по крайней мере одного внука, независимо от того, сколько внуков были живы в то время (например, год, в котором у бабушки были живы два внука, считался только как один год прародительства);

4) кумулятивное число лет прародительства – суммарная продолжительность прародительства с учетом всех внуков (год, в котором была два внука, считался как два года).

Финское исследование является единственным в своем роде примером оценки динамики показателей продолжительности прародительства, сделанной по данным текущего учета населения. Другие исследователи прародительства предлагают использовать данные выборочных обследований населения и агрегированные статистические данные. В них используются следующие методики оценки продолжительности прародительства:

1) разница между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом начала прародительства. Такая методика была реализована на примере 25 стран (24 европейские и США) [4] на данных четырех различных социологических панелей, проведенных в этих странах в разные годы периода с 2001 по 2010 гг. Для оценки продолжительности прародительства в каждой стране из показателей ВОЗ за 2000 г. о продолжительности жизни вычитался медианный показатель возраста прародителя при появлении у него первого внука. Основное ограничение такого подхода связано с тем, что ожидаемая продолжительность жизни в оценках ВОЗ считается по всему населению, а не только по той его части, для которой определяется возраст начала прародительства;

2) оценка для условных когорт ожидаемой продолжительности прародительства по данным одного временного среза и данным о продолжительности здоровой жизни [5; 7; 8]. Так, используя метод Салливана, предполагающий расчет числа лет пребывания в определенном состоянии на основе таблиц смертности, в Канаде была оценена динамика продолжительности прародительства за 26-летний период (с 1985 по 2011 гг.) [7], в Америке – продолжительность оставшихся лет биологического и приемного прародительства для населения в возрасте старше 35 лет [8]. Понимая продолжительность здорового прародительства как число лет, в течении которых гипотетическая когорта населения могла бы прожить, если бы входящие в нее индивиды на протяжении всего расчетного периода сохраняли те же статусы здоровья и прародительства, которые у них были в базовый год, в Канаде и США была оценена динамика этого показателя за 18 (США) и 26 (Канада) лет [5] ;

3) оценка с помощью методов микромоделирования (*microsimulation*). Данный метод предполагает расчет продолжительности прародительства на основе оценки вероятности различных связанных с ним демографических событий (деторождение, брак, развод, повторный брак и смерть) [3]. На основе моделирования изучалась, например, продолжительность прародительства в США для когорт населения, родившихся в 1880–1960 гг., в этом же исследовании проводился анализ конвергенции продолжительности прародительства в различных гендерных и расовых группах.

В России, несмотря на чрезвычайную актуальность и востребованность, масштабные демографо-статистические обследования прародительства не проводятся. Вместе с тем, ре-

зультаты таких обследований могли бы существенно усилить информационно-аналитическую базу принимаемых в сфере демографии решений – тех усилий государства, которые направлены на стимулирование рождаемости, поддержку семьи, улучшение качества жизни старшего поколения. Учитывая это, целью нашего исследования является разработка и реализация методики оценки продолжительности прародительства в России на основе доступных и надежных информационно-статистических ресурсов.

Методические вопросы исследования

Российская официальная статистика не располагает данными о продолжительности прародительства – такого рода информация не собирается ни в процессе текущего учета населения, ни в ходе специализированных выборочных статистических наблюдений. Учитывая это обстоятельство, нами была разработана собственная методика получения оценок продолжительности прародительства в России. Отметим ее основные особенности.

1. Дифференцированные оценки продолжительности прародительства для мужчин и женщин. Действительно, в России исторически наблюдается существенная разница в продолжительности жизни этих групп населения. Начиная с 2005 г., эта разница сокращается, однако до сих пор составляет более 10 лет (рис. 1). Очевидно, что обобщенные оценки продолжительности прародительства для всего населения будут довольно условными и достаточно грубыми.

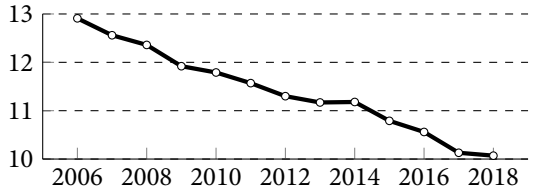

Рисунок 1 – Разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России (рассчитано и построено по Российскому статистическому ежегоднику)[4]

Figure 1 – Difference in life expectancy of men and women in Russia (calculated and constructed according to the Russian Statistical Yearbook)

2. Методический подход к оценке продолжительности прародительства на основе сопоставления ожидаемой продолжительности жизни и возраста вступления в прародительства (1):

продолжительность прародительства	=	ожидаемая продолжительность жизни	–	возраст вступления в прародительство	(1)

Выбор именно этого подхода был обусловлен имеющимися в отечественной демографической статистике источниками данных.

Предлагаемый к использованию в разрабатываемом методическом подходе показатель ожидаемой продолжительности жизни – стандартный демографический показатель, аккумулируемый отечественной статистикой на регулярной основе и ежегодно публикуемый в официальных сборниках Росстата[4].

3. Оценка возраста вступления в прародительство женщин как суммы двух показателей: среднего возраста матери при рождении у нее первого ребенка – в текущем году и у предыдущего поколения женщин (2):

возраст вступления в прародительство женщин	=	средний возраст матери при рождении первого ребенка в текущем году	+	средний возраст матери при рождении первого ребенка у предыдущего поколения женщин	(2)

К примеру, в 2016 г. средний возраст матери при рождении первого ребенка составил 25,64 года. Аналогичный показатель для предыдущего поколения матерей (поколение 1990 г.: 2016 – 25,64 = 1990,36 ≈ 1990) составлял 22,65 лет[5]. Соответственно, в 2016 г. российские женщины становились бабушками в среднем в 25,64 + 22,65 = 48,29 лет.

4. Использование совокупности следующих источников информации для оценки средних возрастов матери при рождении первого ребенка:

- коллекция статистических данных, аккумулируемых Институтом демографии Наци-

[4]Российский статистический ежегодник 2019 (Приложение). Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396.

[5]Коллекция показателей из Ежегодного демографического доклада «Население России». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/edd/edd_tab.php.

онального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Данные о среднем возрасте матери при рождении первого ребенка на данном ресурсе получены на основе информации ежегодно публикуемого демографического доклада «Население России»[5]. Оценки, представленные в данном докладе, базируются на официальных данных Федеральной службы государственной статистики, министерств и ведомств Российской Федерации, международных организаций и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, результатах специальных выборочных исследований, материалах научных публикаций. На сегодняшний день на данном ресурсе представлены данные до 2016 г. включительно;

– база статистических данных *The Human Fertility Database* – совместный проект Института демографических исследований им. Макса Планка (г. Росток, Германия) и Венского института демографии (г. Вена, Австрия). По Российской Федерации в базе представлены оценки среднего возраста матери при рождении первого ребенка до 2014 г. включительно[6];

– итоги выборочного обследования репродуктивных планов населения, проводимых Росстатом в 2012 и 2017 гг.[7] Данные о среднем возрасте матери при рождении первого ребенка на данном ресурсе представлены в сгруппированном виде – по пятилетним периодам. В силу этого оценки возраста вступления в прародительство у женщин, полученные на основе таких данных, очевидно, будут характеризоваться невысоким уровнем точности. Тем не менее, такие оценки можно использовать для верификации оценок, полученных на основе более точных статистических данных.

5. Оценка возраста вступления в прародительство мужчин как суммы двух показателей: среднего возраста отца при рождении первого ребенка – в текущем году и у предыдущего поколения отцов (3).

Здесь следует отметить, что отечественная статистика не располагает данными о возрасте, когда среднестатистический мужчина

возраст вступления в прародительство мужчин	=	средний возраст отца при рождении первого ребенка в текущем году	+	средний возраст отца при рождении первого ребенка у предыдущего поколения отцов	(3)

впервые становится отцом. Этот показатель, на наш взгляд, может быть получен на основе данных о среднем возрасте матери при рождении первого ребенка и среднем возрасте вступления в брак мужчин и женщин (4), (5):

средний возраст отца при рождении первого ребенка	=	средний возраст матери при рождении первого ребенка	+	разница в возрасте между мужчиной и женщиной в семейной паре	(4)

разница в возрасте между мужчиной и женщиной в семейной паре	=	средний возраст регистрации брака у мужчин	–	средний возраст регистрации брака у женщин	(5)

6. Использование совокупности следующих источников информации для оценки средних возрастов отцов при рождении первого ребенка:

– коллекция статистических данных, аккумулируемых Институтом демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»[5]. На сегодняшний день на данном ресурсе представлены данные до 2016 г. включительно;

– итоги выборочного обследования репродуктивных планов населения, проводимых Росстатом в 2012 и 2017 гг.[7] Как и в случае с возрастом рождения первого ребенка, данные о среднем возрасте вступления в брак на данном ресурсе представлены в сгруппированном виде – по пятилетним периодам. В силу этого, оценки, полученные на основе таких данных, очевидно, будут характеризоваться невысоким уровнем точности.

[6]The Human Fertility Database. URL: https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php.

[7]Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения (РПН-2017). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html.

Таблица 2 – Исходные и расчетные показатели для оценки возраста вступления в прародительство и его продолжительности[8]

Table 2 – Initial and calculated indicators for assessing the age of entry into grandparenthood and its duration

Год	Средний возраст вступления в брак, лет		Разница в возрасте вступления в брак, лет*	Средний возраст при рождении первого ребенка, лет		Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	
	женщины	мужчины		матери	отца*	женщины	мужчины
1980	24,20	26,10	1,90	22,99	24,89	73,00	61,45
1981	24,40	26,40	2,00	23,01	25,01	73,09	61,53
1982	24,40	26,40	2,00	23,00	25,00	73,47	61,99
1983	24,40	26,40	2,00	22,96	24,96	73,63	62,27
1984	24,40	26,40	2,00	22,92	24,92	73,31	62,00
1985	24,50	26,50	2,00	22,92	24,92	73,32	62,31
1986	24,80	26,90	2,10	22,95	25,05	73,99	63,83
1987	24,90	27,00	2,10	22,92	25,02	74,55	64,91
1988	24,80	26,90	2,10	22,90	25,00	74,43	64,80
1989	24,50	26,50	2,00	22,78	24,78	74,47	64,21
1990	24,10	26,20	2,10	22,65	24,75	74,30	63,73
2007	26,30	29,00	2,70	24,34	27,04	74,02	61,46
2008	26,50	29,20	2,70	24,41	27,11	74,28	61,92
2009	26,60	29,30	2,70	24,61	27,31	74,79	62,87
2010	26,92	29,52	2,61	24,81	27,41	74,88	63,09
2011	27,23	29,74	2,51	24,96	27,47	75,61	64,04
2012	27,37	29,87	2,50	25,01	27,51	75,86	64,56
2013	27,51	30,01	2,50	25,20	27,70	76,30	65,13
2014	27,64	30,15	2,51	25,31	27,82	76,47	65,29
2015	27,58	30,07	2,49	25,46	27,95	76,71	65,92
2016	27,66	30,12	2,46	25,64	28,10	77,06	66,50

* *расчетные показатели*

Безусловно, следует отметить, что предложенные методические подходы к оценке продолжительности прародительства не позволяют с высокой степенью точности оценить данный показатель. Тем не менее, в отсутствии официальных статистических данных о возрасте вступления в прародительство у мужчин и женщин предложенные подходы, на наш взгляд, все же позволяют получить первое представление о продолжительности прародительства, а также его динамике в России.

Учитывая имеющиеся информационные ресурсы для получения оценок, мы провели анализ продолжительности прародительства у мужчин и женщин за десятилетний период – с 2007 по 2016 гг. Для верификации выявленных тенденций мы использовали данные выборочного обследования репродуктивных планов населения, где временной период заканчивался 2017 г.

Результаты исследования

На основе предложенной нами методики были получены оценки среднего возраста вступления в прародительство, а также его продолжительности – отдельно для мужчин и женщин. В таблице 2 представлены статистические данные, аккумулированные для получения таких оценок.

Прежде всего, проведенный анализ показал, что в течение изучаемого периода происходило увеличение среднего возраста вступления в прародительство. Такой рост наблюдался и у мужчин, и у женщин и проходил приблизительно с равной скоростью – в среднем 0,25 % и 0,23 % в год соответственно (рис. 2).

Полученные результаты вполне соотносятся с теми тенденциями, которые складываются в российском обществе в сфере семьи и брака – со временем происходит увеличение воз-

[8]Составлено на основе: Российский статистический ежегодник 2019 (Приложение). Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396; Коллекция показателей из Ежегодного демографического доклада «Население России». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/edd/edd_tab.php.

Таблица 3 – Изменение средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении

Table 3 – Change in average life expectancy at birth

Год	Изменение средней ожидаемой продолжительности жизни, % в год (годовой прирост показателя)		Превышение годового прироста ожидаемой продолжительности жизни мужчин относительно женщин, раз
	мужчины	женщины	
2008	0,75	0,35	2,13
2009	1,53	0,69	2,23
2010	0,35	0,12	2,91
2011	1,51	0,97	1,55
2012	0,81	0,34	2,41
2013	0,88	0,58	1,52
2014	0,25	0,22	1,10
2015	0,96	0,31	3,07
2016	0,88	0,46	1,93

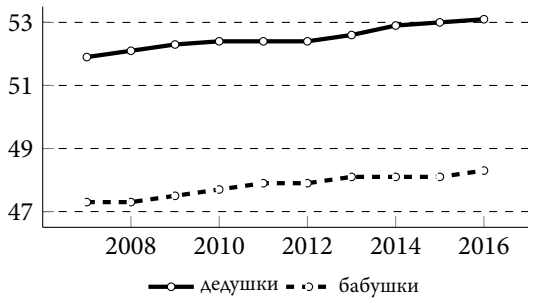

Рисунок 2 – Средний возраст вступления в прародительство, лет

Figure 2 – Average age of entry into parenthood, years

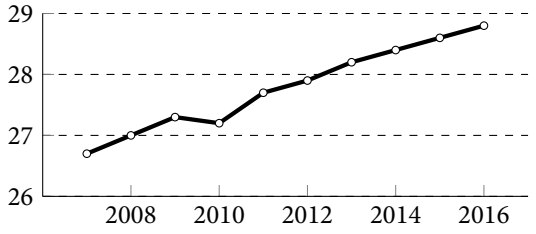

Рисунок 3 – Продолжительность прародительства бабушек, лет

Figure 3 – Duration of grandmotherhood, years

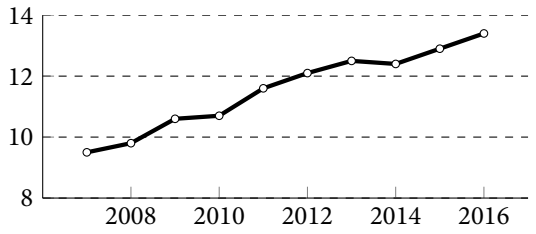

Рисунок 4 – Продолжительность прародительства дедушек, лет

Figure 4 – Duration of grandfatherhood, years

раста вступления в брак, а также протогенетического интервала[7]. При этом, как и ожидалось, средний возраст вступления в прародительство мужчин оказался заметно выше аналогичного показателя у женщин, что объясняется традиционно более поздним возрастом вступления мужчин в брак (табл. 3).

На основе полученных данных нами была оценена продолжительность прародительства – отдельно для мужчин и женщин (рис. 3 и 4). Здесь, на наш взгляд, можно отметить три наиболее существенные закономерности.

Во-первых, наблюдается увеличение этого показателя. Так, за десятилетний период (2007–2016 гг.) средняя по стране продолжительность прародительства бабушек выросла с 26,7 до 28,8 лет, дедушек – с 9,5 до 13,4 лет.

Во-вторых, продолжительность прародительства бабушек заметно выше (более чем в 2 раза) аналогичного показателя у дедушек. В различные годы эта разница составляла от 15,4 лет (в 2016 г.) до 17,2 лет (в 2007 г.). Важнейшими факторами, определяющими разрыв в данных показателях, являются существенная разница в ожидаемой продолжительности жизни (см. табл. 2), а также более позднее вступление в прародительство российских мужчин.

В-третьих, увеличение продолжительности прародительства у дедушек происходит более быстрыми темпами. Если для бабушек среднегодовой прирост этого показателя составил 0,83 %, то для дедушек – 3,86 %. Таким образом, с течением времени происходит сближение продолжительности прародительства бабушек и дедушек.

На наш взгляд, такая закономерность может быть объяснена, прежде всего, более заметной позитивной динамикой ожидаемой продолжительности жизни мужчин. В таблице 3 представлены расчетные данные о ежегодном изменении этого показателя в стране. Как видно, ожидаемая продолжительность жизни и мужчин, и женщин ежегодно увеличивается. Однако скорость ее роста в течение всего рассматриваемого периода у мужчин была заметнее и превышала аналогичный показатель у женщин в 1,10 – 3,07 раза.

Для верификации полученных оценок продолжительности прародительства были ис-

пользованы альтернативные источники информации – данные Федерального статистического наблюдения о репродуктивных планах населения[7]. Как отмечалось ранее, итоги этого обследования Росстата представлены в агрегированном виде и потому получаемые на их основе оценки будут менее точными. Тем не менее, такие данные позволяют в некотором приближении оценить продолжительность прародительства.

На рис. 5 представлена динамика этого показателя отдельно для бабушек и дедушек. Для последних тенденция увеличения продолжительности прародительства в последние годы не вызывает сомнения. В отношении бабушек, на наш взгляд, также можно утверждать, что тенденция роста прослеживается, несмотря на достаточно высокую волатильность данных.

Дискуссионные вопросы исследования

Полученные нами результаты подтверждают тот тренд, который фиксируется и зарубежными демографами прародительства – они свидетельствуют об увеличении продолжительности российского прародительства в динамике за последние 10 лет. Это означает, что на выполнение функций социального института прародительства у сегодняшних бабушек и дедушек появляется времени больше,

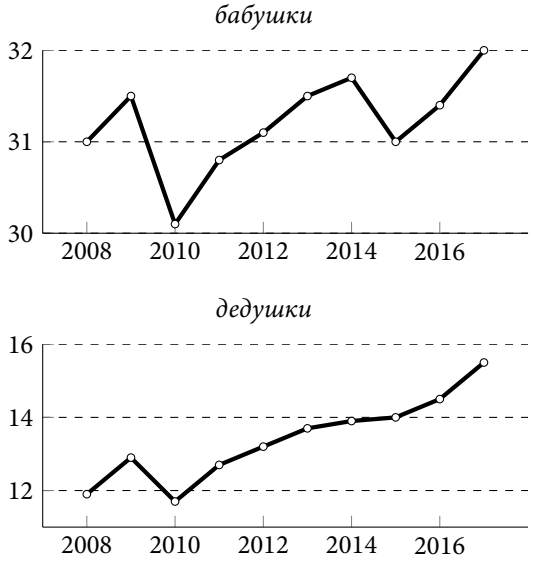

Рисунок 5 – Изменение продолжительности прародительства, оцененное по данным Федерального статистического наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 г.
Figure 5 – Change in the duration of grandparenthood, estimated according to the Federal Statistical Survey of the reproductive plans of the population in 2017

нежели еще 10 лет назад. Это может положительно сказываться на качестве и объеме выполняемых функций – как социальным институтом в целом, так и отдельными прародителями. В свою очередь, такая ситуация ведет к увеличению тех положительных эффектов и межпоколенческих трансфертов, которые возникают при активном участии прародителей в жизни внуков – причем как для прародителей, так и для внуков (эти эффекты активно изучаются зарубежными исследователями [9–17]).

Однако, рост продолжительности прародительства, зафиксированный в результате наших расчетов, не всегда может означать повышение его интенсивности. Поскольку прародительство предполагает взаимодействие людей старшего поколения со своими внуками, полноценная реализация содержания прародительства возможна преимущественно до тех пор, пока бабушки и дедушки сохраняют определенный уровень физического состояния и психологического благополучия. В этой связи важно прежде всего говорить о необходимости увеличения продолжительности здорового прародительства, при котором прародитель имеет физический и психологический статусы, достаточные для поддержания взаимоотношений со своими внуками. Федеральный проект «Старшее поколение», реализация которого в нашей стране началась с 2019 г. и будет продолжаться до конца 2024 г., направленный на повышение продолжительности здоровой жизни, будет способствовать повышению продолжительности и прародительства, и здорового прародительства. Решение заложенных в нем задач предполагает улучшение условий жизнедеятельности пожилых людей, повышение качества их жизни, расширение их возможностей вести активный образ жизни, что должно повлечь за собой и усиление тех эффектов, которые приносит вовлеченность прародителей в жизнь своих внуков.

Так, например, задачей федерального проекта выступает разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения, предполагающая увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Отметим, что под термином «активное долголетие» ВОЗ понимает про-

цесс оптимизации возможностей в области здоровья, участия в общественной жизни и безопасности в целях поддержания качества жизни стареющего населения [18]. Эксперты Высшей школы экономики, разрабатывающие Концепцию политики активного долголетия в России, делают акцент на вовлеченности в эти процессы непосредственно старшего поколения. С точки зрения российских специалистов, активное долголетие – это состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии [19].

Федеральным проектом «Старшее поколение» для увеличения периода активного долголетия предусмотрены мероприятия[9]:

1) медицинские: совершенствование календаря профилактических прививок по эпидемиологическим показаниям, расширение программ профилактических осмотров и диспансеризаций;

2) информационные: создание телевизионных и радиопрограмм, телевизионных документальных фильмов, Интернет-сайтов, направленных на поддержку и повышение качества жизни граждан старшего поколения; периодических печатных изданий, реализовавших проекты, направленные на поддержку и повышение качества жизни граждан старшего поколения;

3) социальные: увеличение количества граждан старшего поколения, занимающихся физической культурой и спортом, прошедших переподготовку и подготовку на специально организованных курсах; реализация региональных программ, направленных на получение образования (обучения), поддержку физической активности пожилых людей. Отмечается, что такие мероприятия будут способствовать переходу пожилых людей на позитивные, активные и ориентированные на развитие позиции.

Отметим, что здоровье, безопасность, активная жизненная позиция людей старшего возраста могут являться детерминантами широты и интенсивности их вовлеченности в процессы реализации функций прародительства (прародительского труда [20]). Все эти параметры могут рассматриваться как характеристики потенциала субъектов прародительского труда. Действительно, как показывают данные наших предыдущих исследований [21], женщины старшего возраста, вовлеченные в выполнение функций прародительского труда, более высоко оценивают свое здоровье, проявляют гораздо большую социальную активность в различных сферах жизни (в частности, они чаще ходят в кино, театр, кафе/рестораны, на спортивные мероприятия), нежели те, кто в него не вовлечен.

Федеральным проектом «Старшее поколение» предусмотрена и организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста. Формулировка этой задачи, на наш взгляд, может быть расширена путем включения в виды обучения программ, направленных на освоение компетенций прародительского труда. Сегодняшний разрыв поколений столь велик, что прародители не всегда могут понимать своих внуков. Разработка специальных программ, направленных на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков, которые сократят этот разрыв, стимулирование людей старшего поколения, имеющих внуков, к обучению на таких программах, позволят снизить число нежелательных эффектов межпоколенного взаимодействия, улучшить его качество и получить от него исключительно положитель-

[9]Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения „Старшее поколение“» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3.

[10]Mosgorzdrav.ru. Проект для дедушек и бабушек, которые помогают внукам делать уроки. URL: https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/school-program.html; Швецов И. Школа эффективных бабушек при Университете для пожилых людей общества «Знание». ГТРК «Вятка». URL: https://www.gtrk-vyatka.ru/vesti/society/18570-shkola-effektivnyh-babushek-pri-universitete-dlya-pozhilyh-lyudey-obschestva-znanie.html; Школа для Пап и Мам. Программа для Бабушек и дедушек. URL: https://www.mamapapa.ru/service/programma-dlya-babushek-i-dedushek/; Культура.рф.

ные результаты. Единичные примеры подобных практик в нашей стране уже существуют[10], этот опыт и мог бы стать основой для разработки и реализации аналогичных программ на государственном уровне.

Еще одно возможное направление совершенствования системы государственного управления анализируемыми процессами – это повышение качества информационно-аналитического обеспечения принимаемых в этой области решений. К сожалению, в нашей стране не проводятся специально организованные статистические обследования старшего поколения, до недавнего времени в России не рассчитывался индекс активного долголетия (соответствующая методика была утверждена лишь в октябре 2019 г.[11]), одной из составляющих которого является вовлеченность людей старшего поколения в заботу о детях и внуках.

Заключение

В процессе нашего исследования была разработана методика оценки продолжительности прародительства в России. Она базируется на ряде методических подходов, позволяющих в первом приближении оценить возраст вступления в прародительство, а также его продолжительность отдельно для мужчин и женщин. Апробация разработанной методики позволила сделать вывод об изменении возраста вступления в прароительство – с течением времени эти показатели растут, с каждым годом российские бабушки и дедушки становятся старше. Вместе с тем, результаты анализа показали и увеличение периода прародительства у женщин и мужчин. Причем у последних такой рост происходит гораздо более заметно, что приводит к некоторому сближению исследуемых показателей.

Безусловно, что разработанная методика может совершенствоваться по мере появления новых доступных источников данных о старшем поколении в России. Организация специальных выборочных обследований прародителства, а также увеличение числа показателей текущего статистического учета этой группы населения может способствовать более эффективному решению демографических проблем страны, реализации поставленных в национальных проектах стратегических целей и задач.

Действительно, в качестве одной из «сильных сторон» российского старшего поколения исследователи отмечают тесные семейные связи [22]. Это дает основания утверждать, что зафиксированное нами увеличение продолжительности прародительства при существующей государственной политике приведет к увеличению продолжительности и здорового прародительства. Это, в свою очередь, позволит получить все те эффекты, которые возможны при интенсивной вовлеченности бабушек и дедушек в жизнь своих внуков. Результатом активизации этого взаимодействия при растущем потенциале субъектов прародительского труда должен стать рост социального благополучия всех поколений российских семей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Arpino B., Guma J., Julia A. (2018). Family histories and the demography of grandparenthood, *Demographic research*, no. 39, pp. 1105–1150.

2. Margolis R., Arpino B. (2019). The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries. In: Timonen V. (ed.) Grandparenting practices around the world: Reshaping family. Bristol, Bristol University Press, Policy Press, pp. 23–41.

3. Margolis R., Verdery A.M. (2019). A Cohort Perspective on the Demography of Grandparenthood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States, *Demography*, vol. 56, no. 4, pp. 1495–1518. DOI: 10.1007/s13524-019-00795-1.

4. Leopold T., Skopek J. (2015). The Demography of Grandparenthood: An International Profile, *Social Forces*, no. 94 (2), pp. 801–832. DOI: 10.1093/sf/sov066.

5. Margolis R., Wright L. (2017). Healthy grandparenthood: How long is it, and how has it changed? *Demography*, no. 54, pp. 2073–2019.

День бабушек и дедушек «Школа внуковедения». URL: https://www.culture.ru/events/531722/den-babushek-i-dedushek-shkola-vnukovedeniya.

[11]Методика расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации (утв. приказом Росстата от 31.10.2019 № 634). URL: http://docs.cntd.ru/document/563664925.

6. Chapman S.N., Lahdenperä M., Pettay J.E., Lummaa V. (2017). Changes in Length of Grandparenthood in Finland 1790–1959, *Finnish Yearbook of Population Research*, no. 52, pp. 3–13. DOI: 10.23979/fypr.65346.

7. Margolis R. (2016). The changing demography of grandparenthood, *Journal of Marriage and Family*, no. 78, pp. 610–622.

8. Yahirun J.J., Park S.S., Seltzer J.A. (2018). Stepgrandparenthood in the United States, *Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*, no. 73, pp. 1055–1065.

9. Hilbrand S., Coall D.A., Gerstorf D., Hertwig R. (2017). Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: a prospective study, *Evolution and Human Behavior*, no. 38 (3), pp. 397-403. DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2016.11.010.

10. Danielsbasca M., Tanskanen A.O. (2016). The association between grandparental investment and grandparents' happiness in Finland, *Personal Relationships*, no. 23 (4), pp. 787–800. DOI: 10.1111/pere.12160.

11. Del Boca D., Piazzalunga D., Pronzato C. (2018). The role of grandparenting in early childcare and child outcomes, *Review of Economics of the Household*, no. 16 (2), pp. 477–512. DOI: 10.1007/s11150-017-9379-8.

12. Attar-Schwartz S., Buchanan A. (2018). Grandparenting and adolescent well-being: evidence from the UK and Israel, *Contemporary Social Science*, no. 13 (2), pp. 219–231. DOI: 10.1080/21582041.2018.1465200.

13. Silverstein M., Long J. D. (1998). Trajectories of grandparents' perceived solidarity with adult grandchildren: A growth curve analysis over 23 years, *Journal of Marriage and the Family*, no. 60 (4), pp. 912–923. DOI: 10.2307/353634.

14. Chapman S.N., Pettay J.E., Lahdenperä M., Lummaa V.C. (2018). Grandmotherhood across the demographic transition, *PLoS ONE*, no. 13 (7), e0200963. DOI: 10.1371/journal.pone.0200963.

15. Coall D.A., Hertwig R. (2010). Grandparental investment: Past, present and future, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 33 (1), pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0140525X09991105.

16. Kim H.-J., Kang H., Johnson-Motoyama M. (2017). The psychological well-being of grandparents who provide supplementary grandchild care: a systematic review, *Journal of Family Studies*, no. 23 (1), pp. 118–141. DOI: 10.1080/13229400.2016.1194306.

17. Sear R., Coall D.A. (2011). How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition, *Population and development review*, no. 37 (1), pp. 81–112. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x.

18. Active ageing: A policy Framework. Geneva, World Health Organization. URL: http://whqlibdoc.who.int/hq/2002/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf (accessed 17.10.2020).

19. Концепция политики активного долголетия : научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научно-практический конференции по проблемам развития экономики и общества / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf (дата обращения: 17.10.2020).

20. Багирова А.П., Южакова Э.В. (2020). Прародительский труд как механизм межпоколенного трансферта социального капитала // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. С. 359–364.

21. Shubat O., Bagirova A. (2020). Russian Grandparenting: Demographic and Statistical Modelling Experience, *Communications of the ECMS*, no. 34 (1), pp. 78–83. DOI: 10.7148/2020.

22. Sinyavskaya O. (2015). Active Ageing in Russia: Presentation on the North-East Asian Forum on Population Ageing, November 6-7, 2015, Tokyo, Japan. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session2_Ms.OxanaSinyavskaya_Russia.pdf (accessed 17.10.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шубат Оксана Михайловна – кандидат экономических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); o.m.shubat@urfu.ru.

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.p.bagirova@urfu.ru.

DURATION OF GRANDPARENTHOOD IN RUSSIA: STATISTICAL ASSESSMENTS AND MANAGEMENT CAPABILITIES IN THE FRAMEWORK OF THE NATIONAL PROJECT "DEMOGRAPHY"

O.M. Shubat[12][a], **A.P. Bagirova**[13][a]

[a]Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Against the background of the development of foreign demography of grandparenthood and the attention of public administration bodies to the problems of the elderly generation, the issue of improving the information and analytical base of decisions taken in this area is being updated. The aim of the study is to develop and implement a methodology for estimating the duration of grandparenthood in Russia based on available and reliable information and statistical resources. We propose the following methodological approaches: differentiation grandparenthood estimates for men and women, the estimation of the age of entry into grandparenthood as the sum of the two average ages of mothers (fathers) at the birth of a child in the current year and the previous generation of women (men), using a combination of sources to estimate the average ages of women and men at the birth of the first child. The results of our research are as follows:

1) in 2007–2016 the average duration of grandmotherhood grew from 26.7 to 28.8, grandfatherhood – from 9.5 to 13.4 years;

2) duration of grandmotherhood is significantly higher than that of grandfathers';

3) the increase in the duration of grandfatherhood occurs at a faster pace, with the passage of time there is a convergence of the duration of grandparenthood.

The Federal project "Senior citizens" of the national project "Demography", whose implementation in our country began in 2019 and will continue until the end of 2024, aimed at increasing the healthy life expectancy, will increase the duration of (healthy) grandparenthood. The solution of the tasks involved should also lead to an increase in the effects of the grandparents' involvement in the lives of their grandchildren. We have suggested the possibility of including in the measures already provided for by the Federal project such components that would simultaneously "work" to improve the quality characteristics of grandparenthood, to intensify and energize of grandparental labor.

FUNDING: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00280.

KEYWORDS: grandparenhood, duration of grandparenhood, grandmothers, grandfathers, demography of grandparenhood, elderly generation, national project.

FOR CITATION: Shubat O.M., Bagirova A.P. (2020). Duration of progenitorship in Russia: statistical assessments and management capabilities in the framework of the national project "Demography", *Management Issues*, no. 6, pp. 142–155.

REFERENCES

1. Arpino B., Guma J., Julia A. (2018). Family histories and the demography of grandparenthood, *Demographic research*, no. 39, pp. 1105–1150.

2. Margolis R., Arpino B. (2019). The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries. In: Timonen V. (ed.) Grandparenting practices around the world: Reshaping family. Bristol, Bristol University Press, Policy Press, pp. 23–41.

3. Margolis R., Verdery A.M. (2019). A Cohort Perspective on the Demography of Grandparenthood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States, *Demography*,

[12]RSCI AuthorID: 616590, ORCID: 0000-0002-0929-8144, ScopusID: 55361508300, ResearcherID: M-7443-2013

[13]RSCI AuthorID: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013

vol. 56, no. 4, pp. 1495–1518. DOI: 10.1007/s13524-019-00795-1.

4. Leopold T., Skopek J. (2015). The Demography of Grandparenthood: An International Profile, *Social Forces*, no. 94 (2), pp. 801–832. DOI: 10.1093/sf/sov066.

5. Margolis R., Wright L. (2017). Healthy grandparenthood: How long is it, and how has it changed? *Demography*, no. 54, pp. 2073–2019.

6. Chapman S.N., Lahdenperä M., Pettay J.E., Lummaa V. (2017). Changes in Length of Grandparenthood in Finland 1790–1959, *Finnish Yearbook of Population Research*, no. 52, pp. 3–13. DOI: 10.23979/fypr.65346.

7. Margolis R. (2016). The changing demography of grandparenthood, *Journal of Marriage and Family*, no. 78, pp. 610–622.

8. Yahirun J.J., Park S.S., Seltzer J.A. (2018). Step-grandparenthood in the United States, *Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*, no. 73, pp. 1055–1065.

9. Hilbrand S., Coall D.A., Gerstorf D., Hertwig R. (2017). Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: a prospective study, *Evolution and Human Behavior*, no. 38 (3), pp. 397-403. DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2016.11.010.

10. Danielsbasca M., Tanskanen A.O. (2016). The association between grandparental investment and grandparents' happiness in Finland, *Personal Relationships*, no. 23 (4), pp. 787–800. DOI: 10.1111/pere.12160.

11. Del Boca D., Piazzalunga D., Pronzato C. (2018). The role of grandparenting in early childcare and child outcomes, *Review of Economics of the Household*, no. 16 (2), pp. 477–512. DOI: 10.1007/s11150-017-9379-8.

12. Attar-Schwartz S., Buchanan A. (2018). Grandparenting and adolescent well-being: evidence from the UK and Israel, *Contemporary Social Science*, no. 13 (2), pp. 219–231. DOI: 10.1080/21582041.2018.1465200.

13. Silverstein M., Long J. D. (1998). Trajectories of grandparents' perceived solidarity with adult grandchildren: A growth curve analysis over 23 years, *Journal of Marriage and the Family*, no. 60 (4), pp. 912–923. DOI: 10.2307/353634.

14. Chapman S.N., Pettay J.E., Lahdenperä M., Lummaa V.C. (2018). Grandmotherhood across the demographic transition, *PLoS ONE*, no. 13 (7), e0200963. DOI: 10.1371/journal.pone.0200963.

15. Coall D.A., Hertwig R. (2010). Grandparental investment: Past, present and future, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 33 (1), pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0140525X09991105.

16. Kim H.-J., Kang H., Johnson-Motoyama M. (2017). The psychological well-being of grandparents who provide supplementary grandchild care: a systematic review, *Journal of Family Studies*, no. 23 (1), pp. 118–141. DOI: 10.1080/13229400.2016.1194306.

17. Sear R., Coall D.A. (2011). How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition, *Population and development review*, no. 37 (1), pp. 81–112. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x.

18. Active ageing: A policy Framework. Geneva, World Health Organization. URL: http://whqlibdoc.who.int/hq/2002/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf (accessed 17.10.2020).

19. Ovcharova L.N., Morozova M.A., Sinyavskaya O.V. (eds.). (2020). The concept of the policy of active aging: a scientific and methodological report to the XXI April international scientific and practical conference on the problems of economic and social development. Moscow, Ed. House of the Higher School of Economics. URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf (accessed 17.10.2020).

20. Bagirova A.P., Yuzhakova E.V. (2020). Ancestor labor as a mechanism of intergenerational transfer of social capital. In: XXII Ural sociological readings. National projects and socio-economic development of the Ural region. Proceedings of the Russian scientific and practical conference. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, pp. 359–364.

21. Shubat O., Bagirova A. (2020). Russian Grandparenting: Demographic and Statistical Modelling Experience, *Communications of the ECMS*, no. 34 (1), pp. 78–83. DOI: 10.7148/2020.

22. Sinyavskaya O. (2015). Active Ageing in Russia: Presentation on the North-East Asian Forum on Population Ageing, November 6-7, 2015, Tokyo, Japan. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session2_Ms.OxanaSinyavskaya_Russia.pdf (accessed 17.10.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Oksana M. Shubat – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); o.m.shubat@urfu.ru.

Anna P. Bagirova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.p.bagirova@urfu.ru.